

**МОЛЛА
ДЖУМА**

Азербайджанская ашугская поэзия

МОЛЛА ДЖУМА

1-549341

Азербайджанская
Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ахундова

БАКУ
ЯЗЫЧЫ
1984

С(Аз)1
Д42

Перевод В. Кафарова

Д42 Молла Джума. Б., Язычы, 1984. — 46 с.

Молла Джума — яркий представитель классической азербайджанской ашыгской поэзии. По своей тематике творчество его разнообразно, однако, основное место в нем занимает любовная лирика.

Д 4702060100—64 Реш. кол.
М—656—84 № 58 от 22. 02. 84.

С(Аз)1

© Язычы, 1984.

ЗЕРКАЛО НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

Поэзия азербайджанского народа имеет свою богатую тысячелетнюю историю. На протяжении многих веков озаны-ашыги, называвшиеся в свое время шаманами, варсагами, озанами, йаншагами, оставили неизгладимый след в истории развития общественно-художественной мысли нашего народа.

На Востоке, и в частности в древнем Азербайджане, было широко распространено искусство озанов, сочинивших не только бесчисленное количество огузнаме (огузских песен), но и создавших такой величественный памятник литературы как «Китаби Деде Коркут» («Книга моего деда Коркута»). Поэтическое отражение исторических событий и мифологии, народная героика и мудрость, повествовательное мастерство, эмоциональная напряженность, глубокий драматизм и красочность описываемых событий, богатство чувств и мыслей, подлинный дух народной поэзии — таков «Китаби Деде Коркуд», художественный памятник древнейшего народного героического эпоса Азербайджана. Первым автором этого литературного памятника являлся, несом-

ненно, большой философ и мыслитель VI—VII вв. Деде Коркут, который увековечил летопись Огузского ханства.

Богатое разнообразие художественного содержания «Деде Коркуда» оказало большое влияние на все дальнейшее развитие народного эпоса, явилось неиссякаемым источником, питающим творчество озанов-ашыгов.

Продолжая традиции Деде Коркута, озаны-ашыги Керем, Гасым (Ширванлы), Новруз, Амрах, Гариб, Тахир Мирза, Ядигяр и Гурбани в XIII—XV столетиях создали совершенные образцы дастанных и эпических гопуз-саз мелодий («Асли-Керем», «Новруз-Гендаб», «Ашыг Гариб», «Тахир-Зохра», «Амрах», «Гурбани»). На основе различных сюжетных линий «Деде Коркуда» и родились дастаны «Асли-Керем», «Новруз-Гендаб» и «Ашыг Гариб».

Слово «ашыг» как имя-титул стало употребляться с XII в. До XVI в. этот титул носили Ашыг Алы, Ашыг Паша, Ашыг Челеби, Ашыг Ахмед, Ашыг Ибрагим, Ашыг Гариб и другие. Начиная непосредственно с XVI в., имя Озан было заменено Ашыгом.

Ашыгская поэзия, впитав богатые традиции народного творчества, соединила в себе несколько разновидностей жанров литературы и искусства. Слагать стихи, сочинять к ним музыку, создать дастан, исполнять все это в сопровождении саза, с мелодичными, совершенно неповторимыми интонациями, напевать, танцевать и уметь все это по традиции передать своему ученику (шагирду) — вот главное условие ашыгского мастерства.

Большие мастера (устады) слова и саза ис-

торически различных этапов стояли в одном ряду с классиками письменной литературы. В XVI—XVII веках такие известные ашыги как Гурбани, Мискин Абдал, Ванлы Гейчек, Гул Махмуд, Кёрюглу, Караджаоглан, Ашыг Джунун, Ашыг Сары, Абдулла обогатили формы ашыгской поэзии, ввели в нее новые средства выражения, сочинили сотни новых мелодий, создали десятки дастанов, воспроизводящих общественно-политическую обстановку, панораму человеческих взаимоотношений, подлинного героизма и любви. Эпос «Кёрюглу», являющийся героической летописью эпохи, получил распространение лишь с этого времени.

На традициях устного народного творчества выросла целая плеяда мастеров (устадов) слова и саза: Вагиф и его современники Тикмедашлы, Хастэ Гасым, Тифлисли Саят-Нова, Ширванлы, Ашыг Досту, Ашыг Валех, его уstad Ашыг Самед, Ашыг Махмуд, Улулу Карим, Ашыг Овалар, Ашыг Аллахверди, Ашыг Мохаммед Вархиянлы, Ашыг Алы, Дагестанлы Ашыг Фатали, Миран и другие.

Ашыгская поэзия прошлого века дала мощный толчок дальнейшему развитию как устной, так и письменной литературы, подняла их на новую, еще более высокую ступень. Получило всеобщее признание целое поколение ашыгов древних племен Аккоюнлу — ашыгская школа Гойджа, которая в лице Ашыга Алескера достигла своего апогея. Ашыгские школы XIX столетия представляла не только Гойджа. Были известны в Шамкире Ашыг Гусейн, Ашыг Гасым, Яхья-бей Дилгам, в Гарадаге — Ашыг Махмуд и Ашыг Джамал, в Ширване — Джафаргулу, в Кельба-

джаре — Ашыг Курбан, в Казахе — Ашыг Самед, в Баку — Ашыг Джавад, в Самуре — Ашыг Раджаб, в Джебраиле — Багбан, в Шеки — Молла Джума, в Борчалы — Шенлик Ибрагим и другие.

Они продолжили традиции древнего ашыгского искусства, в котором нашли свое отражение реальные жизненные события, имеющие важное общественно-политическое значение.

В ашыгской поэзии XX в., воспринявшей победу Октябрьской революции как победу сил добра и гуманизма над темным царством лжи и несправедливости, зазвучали новые революционные нотки. В. И. Ленин, его идеи, революционная борьба Н. Нариманова впервые были воспеты ашыгами.

Песни, революционные по духу и социалистические по содержанию, из старейших мастеров-уставов создали Бозалганлы Гусейн, Ширванлы Мирза Билал, Ашыг Асад, Ашыг Мирза, Телли Мохаммед, Ашыг Аваг, Новрес Иман, Чобан Афган.

В годы великого социалистического строительства Коммунистическая партия и Советское правительство проявили особую заботу об ашыгах. Ашыги впервые за всю историю существования провели свой первый съезд. Было собрано и издано их литературное наследие.

В настоящее время литературно-художественное творчество ашыгов всесторонне изучается. Сегодняшний ашыг не только участник свадебных и других торжеств, но одновременно коллективно выступает в народных театрах, филармониях, в больших концертных салонах. Этими ансамблями

руководят такие известные мастера-ашыги, как Ашыг Акбар, Ашыг Имран, Ашыг Исфендияр, Ашыг Адалет, Ашыг Камандар, Ашыг Гаджи.

Из старых уставов — Гусейн Джаван, Бисавад Теймур, Мискин Вели, Ашыг Амрах, Ашыг Авды, Гусейн Сараджлы, Азафлы Михаил, Ашыг Мусеиб, Ашыг Магеррам и другие с большой любовью и желанием передают свой опыт и знания молодому поколению.

КАРА НАМАЗОВ.

кандидат филологических наук.

МОЛЛА ДЖУМА

Одним из ярких представителей классической азербайджанской ашыгской поэзии является Молла Джума. Поэт оставил после себя богатое литературное наследие. В 1966 г. была издана книга первых стихов М. Джумы. А в 1983 г. издательство «Язычы» выпустило «Избранные произведения» ашыга.

Джума не был моллой в прямом смысле этого слова. Его называли моллой в силу его образованности, учености, эрудированности так же, как называли Вагифа и Видади.

Отец Моллы Джумы занимался земледелием, был пахарем. И своего единственного сына он с детства приучил к сельскому труду. Во всей своей последующей жизни основным занятием Моллы Джумы было хлебопашество. Этим он и кормил свою семью. А чаще всего, нанявшись к сельским богачам, занимался жатвой, косьбой и на заработанные деньги содержал семью. У ашыга есть ряд стихов, посвященных непосредственно теме земледелия. В качестве примера можно привести «Воробьи», «Эй, женщина», эпиграммы «Гаджи Керим», «Старуха» и другие.

Творчество Джумы разнообразно по своей тематике. Однако, основное место в нем занимает любовная лирика. В большинстве стихов — от герайлы до мухам-

маса, — используя все богатство и многообразие народного языка, ашыг воспевал человека, его красоту, восхвалял его благородные деяния.

В творчестве Джумы любовная тематика развивалась по восходящей линии. Так, в своих первых стихах, посвященных любви, он как бы боится, страшится настоящего чувства. Он считает себя виноватым перед обществом, перед людьми от совершенного им греха. Интересно, что в последующих своих стихах, написанных на эту тему, он считает чувство любви закономерным. С возрастом ашыга уже не страшит любовная страсть, а напротив, он уверен, что счастье человека именно в любви, в поисках этого облагораживающего, высокого чувства.

Молла Джума обладал утонченным вкусом. Это был поэт, умеющий красиво и образно называть слова, отображающие внутреннее состояние человека, духовные переживания. Его лирика никогда не была отвлеченной, связанной с небесами, мистикой, а звучала реальными и жизненными мотивами. Воспеваемые им красавицы — это часто встречающиеся в жизни девушки из народа. Это о них, об их нежности, страстности, красоте и привлекательности говорил поэт:

В своем уборе ты под стать луне,
Любовь, как море. Я тону в волне.
Ты днем прийти не позволяешь мне —
Дай ночью я приду тайком, счастливица.

Первой и последней любовью ашыга была неизвестная Исми Пунхан. О ней сохранилось много противоречивых легенд. Так, по словам Ашыга Казыма, Исми Пунхан была дочерью Шейх Бабы из селения Шабалы Кахского района. По другим источникам Исми Пунхан

родилась в богатой и религиозной семье, вот почему ее звали не по имени. Общее мнение таково, что Исми Пунхан дочь хозяина медресе, где получил образование ашыг.

Исми Пунхан является идеалом женщины для Моллы Джумы. Идеалом, к которому ашыг стремился всю свою жизнь, но так и не достиг его. Исми Пунхан — недосягаемый идеал Джумы. Раздавленный тяжелым грузом суровых и несправедливых законов своего времени, ашыг проклинал свою судьбу, жаловался на мир. С этой точки зрения его стихи о жизни, рождении, эпохе имеют особое значение. И они требуют еще своего дальнейшего изучения.

Ты превозносишь мир, а я считаю
Не лучшим, не избранным этот мир.
То светел, то суров с поры той самой,
Как стал обегованным, этот мир.

Эгоизм, несправедливость, черствость, религиозный фанатизм — увиденное — переполняло грудь ашыга справедливым гневом, который выливаясь в стихи, находил отклик в душе народа. У поэта есть строки, связанные с определенными событиями эпохи: «Гаджи Керим», «Ахсаг Лачин», «Саид», «Уста Амир», «Парикмахер Алмалы Иса», «Джавад ага», «Эфенди», «Молла» и другие.

Когда победила Великая Октябрьская социалистическая революция, Джуме было около 65 лет. Старый ашыг не остался равнодушным к идущим издали отзвукам свободы, счастья, братства. Ведь он сам давно мечтал об этом и с нетерпением ждал. Идея долгожданной свободы дошла до нас во многих его песнях.

В самый разгар борьбы за установление советской власти в Азербайджане мракобесы, религиозные фанатики, яро ненавидевшие новый строй, решили убрать с пути ашыга, не боящегося говорить правду и распространять ее. В одну из темных ночей его вывели из дому и только через несколько дней труп случайно обнаружили в лесу.

Всестороннее и разнообразное творчество Моллы Джумы, обогатившее сокровищницу азербайджанской ашыгской поэзии.

ПАША ЭФЕНДИЕВ,

доктор филологических наук,
профессор

* * *

Ашыгство от Адама повелось,
Адама-праотца наследник — я,
Я — староста ашыгов всех времен,
Есть для меня особая статья.

Мои седые корни глубоки,
Поэты и певцы — мои ростки.
В Гейнуке, возле города Шеки —
Мои родные горные края.

Селенье Лайиски — мой добрый стап,
Отец — Салах, а мать моя — Рейхан,
Мой сын — Гасан, а сам я — Сулейман,
Молла Орудж — фамилия моя.

Передо мной не очень-то форси,
Арабский и турецкий, и фарси
Я знаю сам — пожалуйста, спроси,
Я — смысл извечный Книги Бытия.

Дорога правды поднимает дух.
И если мне понадобится вдруг

На языках семидесяти двух
Понять собратьев хватит мне чутья.

И я, Джума, по-своему, молла,
И та, чье имя — Тайпа, мне мила.
И эта страсть сожжет меня дотла,
Истает жизни жаркая струя.

* * *

Любимая выходит на прогулку —
Я вижу: суть ее паряда — пуговики,
Блестите вы, одна с другой сливаясь,
И я не отрываю взгляда, пуговики.

Сияньем вашим многие смутились,
Вы на груди и шее приютились,
И сами в песню эту превратились,
Мне даже сочинять не надо, пуговики.

Мне поясом бы стать в соседстве с вами,
Мы с вами тайно б столкнувались сами.
Как много вас! И между знатоками
Любая драгоценней клада, пуговики.

* * *

Ты краше всех красавиц на земле,
Не помню больше ни о ком, счастливица.
Я имя день и ночь твержу твое—
Прилежным стал учеником, счастливица.

Чем заслужил упреки я твои?
И почему гасишь огонь любви?
Меня теперь как хочешь назови —
Я стал до срока стариком, счастливица.

В своем уборе ты под стать луне,
Любовь, как море. Я тону в волне.
Ты днем прийти не позволяешь мне —
Дай ночью я приду тайком, счастливица.

* * *

Я милой признался в любви, но в ответ
Того не услышал, чего ожидал.
Пустился в дорогу без добрых примет —
Того не услышал, чего ожидал.

Я понял: любовь моя стала бедой,
Состарюсь безвременно я, молодой.
Однако хотел столкнуться с судьбой —
Того не услышал, чего ожидал.

Звезда моей жизни темней и темней
Казнят меня скоро без лишних затей.
Хотел умереть пред любимой моей —
Того не услышал, чего ожидал.

* * *

Друзья, на помощь! Родичи, на помощь!
Спасенье от моих скорбей ищите!
Мне птица счастья шлет одни несчастья,
А где ее гнездо? Скорей ищите!

1-549341

Есть люди, что на хитрости готовы,
Для петухов, и то, найдут подковы.
Молла с ахундом нынче бестолковы,
Истоки правды для людей ищите!

Безумен я, где прок в моем совете?
Я крикну, что горю, — добавляют нефти.
Я погибаю — тело после смерти
В краю у суженой моей ищите!

Азербайджанская
Государственная
Библиотека
им. М. Ф. Ахундова

* * *

Ты нанесла мне рану — я прямую
Улику преступленья сохранию.
Не думай, что она умрет со мною,
Она избегнет тленья — сохранию.

Уже устали и сова, и филин,
Но я остановить свой крик бессилён.
И слезы, будто сгустки из давлен, —
До светопреставленья сохранию.

И в Судный день, призвав тебя к ответу,
Молла Джума предъявит рану эту.
Любой ценой убийственную мету
Во имя искупленья сохранию.

* * *

Любимая недуг врачует мой,
То поглядит, то не глядит — уходит.
Вода в руке одной, огонь — в другой,
То прохладит, то расналит — уходит.

Идет ко мне в жильё и вроде нет,
Дает еду-питьё и вроде нет.
Есть жалость у нее и вроде нет,
То посидит, то не сидит — уходит.

Похожа на меня издалека
И ростом ни мала, ни велика.
То по-джейраньи ласково-кротка,
То рану мне разбередит, уходит.

* * *

Ты ларец открыть готова —
 не раскаяться б тебе,
Из-за торга, право слово,
 не раскаяться б тебе.
Не вступай на мост бесчестных —
 пусть поток несет тебя,
А от выбора иного
 не раскаяться б тебе.

Уповай на помощь бога,
 божьих слуг не призывай,
Неприятеля и друга
 в общий круг не призывай.
На дома людей достойных
 ты разрух не призывай,
Края не покинь родного —
 не раскаяться б тебе.

Не ходи к бесчестным в гости,
 рядом с ними не сиди,

Есть шипы в постели мягкой,
 ты по виду не суди.
На прозрачный мед не зарься,
 в нем отрава есть, поди,
Не пригубливай хмельного —
 не раскаяться б тебе.

* * *

О боже правый, что за наказание!
С такую тонкостанной как расстаться?
Я, сбитый с толку, потерял сознание —
С такую долгожданной как расстаться?

Лукаво смотрит и ступает смело,
Как будто топчет душу мне и тело.
А как кольцо на пальце заблестело!
С такую осиянной как расстаться!

Джума, печальным быть мне очень тяжело,
О горе не трубить мне очень тяжело.
Желанную любить мне очень тяжело,
И, все ж, с такой желанной как расстаться?

* * *

Если милую подругу
повстречаю поутру,
Я оправлюсь от недуга,
отскачаю поутру.
Подскажите, мусульмане,
мне откуда ждать ее,
Прежде всех ее заметить
я не чаю поутру.

Где мой друг, где враг постылый —
отличить я не могу,
Очутился перед Нилом —
переплыть я не могу.
С болью справиться нет силы,
а открыть я не могу,
Солью собственные раны
посыпаю поутру.

Козни, происки, наветы —
и Джуму берет испуг,

Круг друзей моих
 все уже,
 а врагов все шире круг.
У нее любовь двойная —
 у меня двойной недуг:
Распаляюсь я с потемок —
 замерзаю поутру.

* * *

Прихорошилась, вышла ты —
Твой выход всех потрясе, красавица.
Как на охотников — марал,
Ты глянула на нас, красавица.

Друзей уничтожаешь ты,
Врагов приумножаешь ты,
Ресницами пронзаешь ты,
Не утруждая глаз, красавица.

Джума не любит лишних слов,
В твоих объятьях рай готов,
Но дом мой с четырех углов
Разрушила ты враз, красавица!

* * *

Я небеса на помощь призываю —
Со мною вместе им рыдать теперь.
Кто мукам подвести итог сумеет —
Я густо испишу тетрадь теперь.

Ославлен был тобою я в начале,
Но я ли виноват в таком скандале!
Ко мне в кошмарах змеи напоззали —
Обступит и тебя их рать теперь.

О нашей тайне ходит слух в народе,
А сам я только просыпаюсь вроде.
Любовь былая — не любовь, выходит,
Мне заново вдвойне страдать теперь.

* * *

Хорошего друга нельзя обижать —
Друзей настоящих один или два.
Из множества тех, что помянут меня,
Найдется скорбящих один, или два.

Ты — лампа, а я — ободок жестяной,
Я — твой соловей, разлучённый с весной.
Какое несчастье случилось со мной —
В понятие входящих один, или два.

Бровям твоим черным нужна ли сурьма?
Нужна ли нам распря — подумай сама!
Не каждому тайну доверит Джума,
Молчанье хранящих — один, или два.

* * *

Удачливому молодцу
Опорой весь народ становится,
А если счастья-доли нет,
Врагом и доброхот становится.

Весенняя приятна дрожь.
Мой стих на самоцвет похож.
Без денег на базар пойдешь,
Печально у ворот становится.

Кто на коне любви гнедом
Летает в буйстве молодом,
Тот горько кается потом, —
Когда седебород становится.

С такою милой, как моя,
Не будет никому житья.
А тот, кто плачет так, как я,
Слепым, как бедный крот, становится.

* * *

Имейте совесть, гóспода побойтесь,
Куда же вы без спроса, воробьи?!
Иль рухнул мир, иль нет на целом свете
Вкусней, чем это, просо, воробьи!

Мой друг Керим намаялся, сажая,
Рейхан, старушка бедная, босая,
Пропалывала, отдыху не зная,
С откоса до откоса, воробьи!

А я приставлен для охраны к полю,
Когда получим, каждый — третью долю,
Тогда и вам попировать позволю,
Пока ж не суйте носа, воробьи!

Не то зимою выставлю приманку
И распотешу меткую берданку,
И выверну все гнезда наизнанку,
Затмив и кровососа, воробьи!

Клюют, я видел, птишки понемногу,
А вы посев погубите, ей-богу,
Вот коршуна покличу на подмогу,
Дождетесь вы разноса, воробьи!

* * *

Встречай весну, очнись от зимней дремы
И покажись скорее, соловей!
Как много дружб нарушено! Сноешься ль
Ты с розою своею, соловей!

Что голос показать тебе мешает?
Утрата ближних нас всего лишает
И если траур петь не разрешает,
Я очень сожалею, соловей!

Молла Джума Салахзаде судьбою —
И болью, и любовью схож с тобою.
Что — стоны! Их-то я и сам удвою —
Ты спой повеселее, соловей!

* * *

Серебреником чистым,
ценней червонца был,
Со знатоком расстался
и медяком я стал.
Я чепраком нарчевым
для иноходца был,
А с ишаком познался —
худым мешком я стал.

Испил до капли чашу
я к сорока годам
И позабыл приличья,
и позабыл я срам.
И повалился наземь,
и стал землею сам,
Кто хочет, тот и топчет,
ведь большаком я стал.

Желаний было много,
их не свершил Джума,

Волненье да тревога
 меня сведут с ума.
Так суждено от бога,
 судьба велит сама,
Чтоб стал я горемыкой,
 чтоб бедняком я стал.

* * *

Я тоже умру. Мне из мертвых восстать
Ты в День Воскрешенья не дай без тебя.
Я там, на мосту шириной в волосок,
Вперед не шагну невзначай без тебя.

Как мед, твое имя, нет — слаще, чем мед,
Я скрою его — пусть никто не поймет.
Отправиться в рай позволение придет —
Я дверь не открою и в рай без тебя.

Джума безутешно скитается тут,
Ему на том свете обещан приют,
Но если мне воду живую дадут,
Ее не приму, так и знай, без тебя.

* * *

Не много толку от ума чужого —
Ты должен сам с собой совет держать.
Запомни крепко дружеское слово,
Чтоб недругов потом не улаживать.

Не надо жить игиду на чужбине,
А угодишь — преодолей унынье.
Алмаз отнюдь не легок на помине —
Алмазом в рудниках своих лежать.

Молла Джума известный перед вами,
Кидался раньше я в любовь, как в пламя.
Однако верно сказано отцами,
Что пес прибудный должен хвост поджать.

* * *

Один голодает молчком, одиноко,
В обнимку с бедою своею уснет.
Другой из-за капли остатного меда,
Добротный бурдюк, свиренея, проткнет.

Один говорит справедливости ради,
А этот долдонит болтливости ради.
А третий старается хитрости ради,
И друга в пучину иль в пламя столкнет.

Один просветляет и души, и лица,
Другой и веселым не даст веселиться.
Иной безобидного зайца боится,
Иной заарканит и льва, не моргнет.

Один благородство весь век сохраняет,
Другой по крохам свою совесть роняет.
И друга на пару носков променяет,
И в них пред Моллою Джумой щегольнет.

Не встречалось на Ширване
мне красавиц, равных ей.
Боже мой, куда же совесть
подевалась у людей,
Что столетняя старуха:
«я — молодка», — говорит.

* * *

Явный дурень: «я — разумник», —
очень кротко говорит,
Подбоченится дурнушка:
«я — красотка», — говорит.
И хромая черепаха
говорит: «я — тоже лань»,
А о сходстве нашем, дескать,
и походка говорит.

Никогда не зазнается
настоящий человек
И один не задается,
хоть живет себе, как бек.
А другой на побегушках
проталдычит целый век:
«Я — король, я — император!» —
этот вот как говорит.

Я, Молла Джума, страдаю
без возлюбленной моей,

* * *

Порой подобен праху под ногами,
Порой бываю ветерку подобен,
Порой уподобляюсь горькой желчи,
Порой весеннему медку подобен.

Порой кидаюсь в океан глубокий,
Порой валяюсь от обиды легкой,
Порой впиваюсь, как шиповник колкий,
Порой шелковому цветку подобен.

Молла Джума надел броню сплошную,
Запомнить повесть я могу большую,
Порой, как разъяренный слон, бушую,
Порю робкому листку подобен.

* * *

Ты превозносишь мир, а я считаю
Не лучшим, не избранным этот мир.
То светел, то суров с поры той самой,
Как стал обетованным, этот мир.

У каждого — своя судьба на свете,
Разумный видит, глупый не заметит,
Как расставляет колдовские сети,
Как действует обманом этот мир.

Есть в золоте живительное благо,
Но в руднике — губительная влага.
Посмотришь — пожелтел иной бедняга,
А он пришел румяным в этот мир.

Больной неизлечим, но лекарь лечит,
Доверчив человек, но мир изменчив.
И вероломный прав его извечен,
Не станет постоянным этот мир.

От капли океан не помутнеет,
Приливы побеждать пловец умест.
Разумный с полуслова разумест,
Отмеченный изъязном этот мир.

Не забредай — опасно половодье,
И не витай напрасно в небосводе:
Уравнивает беспристрастно вроде
Орла с сычом поганым этот мир.

Оленя и стрельца оставь в покое,
Давай поговорим о нас с тобою.
Но нам мешают. Что это такое?
Вломился к нам буяном этот мир.

Как можно солнцу уподобить плошку?
Кто станет сыт, облизывая ложку?
Молла Джума какую дал оплошку,
Что сжал его арканом этот мир?!

* * *

Я что сказал обидного тебе?
Я попросту жалею вслух фиалки.
Не обращай внимания, срывай
И собирай, как вешний пух, фиалки.

Весною на лужайках каждый год
Фиалочно-девичий хоровод:
Фиалка запах девушки вберет,
А девушка впитает дух фиалки.

Красавицам блистать пришла пора,
Повсюду благодать — пришла пора.
Уж розам расцветать пришла пора —
Увы, сойдут на нет вокруг фиалки.

* * *

О честном и бесчестном расскажу.
Юлит бесчестный — сана домогается,
Не знает спеси добрый человек,
Недобрый — званья хана домогается.

У доброго и прав хорош, и вид,
Недобрый на посылках состоит
И, все-таки, себя начальством мнит,
Отличный постоянно домогается.

В словах Моллы Джумы для мудрых — свет,
Кто дружит с честным, тот не знает бед.
Бесчестный даст копейку, а в ответ —
Червонец чистогана домогается.

* * *

Не смей меня охаивать, гнусавый,
Чтоб у тебя язык отсох, молла!
В душе моей незлобивой поднялся
Из-за тебя переполох, молла!

Отъявленный мошенник и барыга,
Твоя святыня — брюхо, а не книга.
Вовек не сможешь ты понять ашыга,
Как соловья — чертополох, молла!

Ты что отодвигаешься в сторону,
Я высказал не все тебе, подонку,
Покажешь пятки — полетит вдогонку:
Ты стал пройдохой из пройдох, молла!

* * *

Друга выручить стремится
 благородный человек,
Напрямик летит, как птица,
 благородный человек.
Если странника увидит,
 приглашает в дом к себе,
Хочет хлебом поделиться
 благородный человек.
Соловей весной засвищет —
 расцветает краше сад,
Не садись с бесчестным рядом,
 или будешь сам не рад.
Надоели мне уродцы,
 пусть порадует мой взгляд
Прямодушный, светлолицый,
 благородный человек.
Пусть выходит в круг широкий —
 станет еще шире круг,
Пусть в потомках сохранится
 благородных предков дух.
От избранницы-подруги
 ждет наследника супруг —
Пожелаем: пусть родится
 благородный человек!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Намазов. Зеркало народной мудрости</i>	3
<i>П. Эфендиев. Молла Джума</i>	8
«Ашыгство от Адама повелось...»	12
«Любимая выходит на прогулку...»	14
«Ты краше всех красавиц на земле...»	15
«Я милой признался в любви, но в ответ...»	16
«Друзья, на помощь! Родичи, на помощь!...»	17
«Ты нанесла мне рану — я прямую...»	18
«Любимая недуг врачует мой...»	19
«Ты ларец открыть готова...»	20
«О боже правый, что за наказание!...»	22
«Если милую подругу...»	23
«Прихорошилась, вышла ты...»	25
«Я небеса на помощь призываю...»	26
«Хорошего друга нельзя обижать...»	27
«Удачливому молодцу...»	28
«Имейте совесть, господа побойтесь...»	29
«Встречай весну, очнись от зимней дремы...»	30
«Серебренником чистым...»	31
«Я тоже умру. Мне из мертвых восстать...»	33
«Не много толку от ума чужого...»	34

«Один голодает молчком, одиноко...»	35
«Явный дурень: «я — разумник»...»	36
«Порой подобен праху под ногами...»	38
«Ты превозносишь мир, а я считаю...»	39
«Я что сказал обидного тебе?»	41
«О честном и бесчестном расскажу...»	42
«Не смей меня охаивать, гнусавый...»	43
«Друга выручить стремится...»	44

Редактор *У. Савыхова*. Художник *Э. Лазымов*.
Художественный редактор *А. Мамедов*.
Технический редактор *В. Плиткина*.
Корректор *Н. Шашиура*.

ИБ № 1848.

Сдано в набор 20. 03. 1984 г. Подписано к печати
23. 04. 1984 г. ФГ 05537. Формат бумаги 70×90^{1/32}.
Бумага № 1. Литературная гарнитура. Высокая
печать. Физ. п. л. 1,5. Услови. п. л. 1,75. Учетн.-
изд. л. 0,1. Заказ № 195. Тираж 7000. Цена 15 коп.
Государственный Комитет Азербайджанской ССР
по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли.

Издательство «Язычы», 370088. Баку, проспект
Кирова, 18.

Типография им. 26-ти бакинских комиссаров
370005. Баку, ул. Али Байрамова, 3.

ОБЩАТЕЛСКИ
ЭСТАБЛИШМЕНТ

Молла Чумә

Баки • Јазычы • 1984

У-17

15 коп.

1
549341

Көзэллэр кејинэр зэр илэ зйба,
Көрэн дејэр сэд афэрин, мэрһаба,
Бармагында үзүк, голда кәһраба,
Бојаныб эллэри ал хына, кәзәр.

